

Протоиерей Сергей Павлов

Межпоколенческие семейные травмы

О ЧЕМ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ПАСТЫРЬ

Общаясь с человеком, священник сталкивается не только с конкретной личностью и ее прошлым. Он также имеет дело с историей его семьи, целого народа, страны. Эти истории влияют на судьбы отдельного человека и целых поколений. Они же составляют необходимый для понимания личности контекст. Протоиерей Сергей Павлов, практикующий психоаналитически ориентированный психотерапевт, размышляет о практике душепопечения, опираясь на профессиональные знания и собственный опыт работы. Его мысли, не всегда бесспорные, тем не менее могут быть полезны священникам в их служении.

История дарит нам не только воспоминания. В «наследство» каждому достается, написанный на скрижалях сердца, образ окружающего мира. Мы обращаемся к реальности, сверяясь в первую очередь с ним. Там обозначены дороги, тропинки, уголки, где мы можем отдохнуть, набраться сил или попросить о помощи. Отмечены в нем также тупики и гиблые места. Как создается этот образ, эта карта? Кем? Есть области, которые мы сами отмечаем, едва родившись, есть значительные участки, которые достаются нам в наследство от ближайших родственников. Есть то, что рисуется целым народом десятки и даже сотни лет.

Карьера вместо мужской фигуры

Какое все это имеет значение для повседневного служения пастыря? Приведу очень упрощенный и максимально измененный по соображению конфиденциальности пример из своей психоаналитической практики. Этот пример послужит иллюстрацией к трем главным темам статьи: важности семейной истории, роли отца в семье, а также о том, как важно для духовника умение слушать. Ко мне, как к психоаналитику, обратилась молодая женщина, которая жаловалась на то, что в последнее время ее отношения с мужем испортились.

Как водится, супруги были щедры на взаимные претензии. Молодая женщина сетовала на требовательность мужа по отношению к ней, странным образом сочетавшуюся с его безвольностью во всех других сферах жизни. Безвольность, по словам пациентки, проявлялась в его отстраненности от дел семейных и нежелании продвигаться по служебной лестнице. Он, в свою очередь, корил ее за нежелание заводить детей и в том, что она слишком много времени уделяет работе и карьере, жаловался на то, что не видит смысла в их браке. Моя пациентка отказ заводить детей мотивировала тем, что вначале нужно сделать карьеру, а потом рожать. Позиция жены по этому вопросу вызывала недовольство мужа, которое, впрочем, мало что меняло, поскольку, по словам пациентки, он и так всем и всегда был недоволен.

Положение дел заметно ухудшилось, когда с молчаливого согласия супруга женщина сделала аборт. Пара не была церковной, но, когда

стало совсем невмоготу, по совету знакомых исповедаться и причаститься, попала на исповедь к местному батюшке. Духовник ругал за аборт, увещевал вчерашних влюбленных терпеть недостатки друг друга и изо всех сил скреплять то, что «Бог сочел». Также священник дал супругам мой номер телефона. На семейном совете муж, как водится, предоставил жене почетное право разбираться во всем самой. И так, пациентка пришла ко мне одна.

На первом же сеансе, поговорив о семейных нестроениях, женщина рассказала о другой про-

Пастырю важно вслушиваться в речь исповедника, стараться услышать то, что скрыто за стандартным перечислением грехов. Человек это ощущает, и психика постепенно начинает открывать то, что пряталось.

блеме — о том, что ее достижения в профессиональной области периодически «обнуляются»: «Вкладываю в какой-то проект, что-то начинает получаться, а потом или проект закрывают, или меня на другой переводят...» Через несколько сеансов совершенно случайно, как нечто, не имеющее отношения к делу, всплыл кусочек почти забытой семейной истории: голодомор,

репрессированный прадед и несколько детей, которые умерли на руках у прабабки... Осталась в живых лишь бабушка пациентки по материнской линии. Эта история казалась просто информацией из прошлого, которая ни на что не влияла. «Так, чего-то вспомнилось...», — сказала пациентка. В течение нескольких сеансов я искал в ее рассказах «о том, о сем» следы, которые остались в душевном пространстве ее семьи после того голодомора. Про детей и про аборт пациентка не говорила ни слова. Все в основном про работу да про семейные позиционные бои. Я тоже молчал про прерывание беременности и лишь пару раз провел аналогию: «проекты на работе — они же как дети...». Пациентка оба раза согласилась, но не придавала этому особого значения.

Через некоторое время, набрав достаточно материала, я, наконец, соединил разрозненные куски сказанного пациенткой на разных сеансах: «Вам страшно рожать, ведь невозможно довериться кому-либо, лучше быть бездетной, чем родить и переживать за будущее детей... Уж Ваша семья-то хорошо знает, как это: родить и потерять...» Отношение к «безвольному» мужу я связал с ненадежными мужчинами, которые чаще, чем женщины, гибнут в войнах или пропадают, раздавленные колесом репрессий. Именно последнее, как я и упомянул выше, произошло с ее прадедом.

Только после этих моих интерпретаций фокус внимания пациентки с внешних обстоятельств (плохой муж, плохое начальство, неудачные проекты...) мало-помалу, сеанс за сеансом, начал смещаться совсем в другую сторону... Она постепенно начала вспоминать, что сама постоянно отказывается от плодов своих трудов или саботирует свою же работу. Формулировка «на работе мне не дают развиваться» постепенно ушла, уступив место размышлениям о том, что иметь успешные профессиональные проекты очень страшно — они ведь как дети... Итак, ей было страшно стать матерью во всех сферах ее жизни. Также оказалось, что муж был единственным ребенком в семье. Его брат погиб, не родившись, поскольку у матери был выкидыш. Мать чуть не умерла от кровотечения. Через несколько лет брака отец бросил семью, и муж пациентки стал единственным объектом любви своей матери. Так что и для мужа возможная беременность

супруги была связана со страхом потерять ее, а также с опасностью перестать быть единственным объектом любви своей женщины.

Итак, жизни моей пациентки и ее мужа крутились вокруг семейных историй и страхов, которые, казалось, не имели непосредственного отношения к жизни этой пары. Карьера для моей пациентки означала не столько профессиональные достижения, сколько надежду хоть на какую-то безопасность и опору. Карьера, как преимущественно мужской приоритет, служила в этой истории заменой мужской фигуры: «Если бы прадеда не репрессировали, может быть, его дети бы выжили...», «Сделаю карьеру — тогда будет безопаснее рожать», «Муж ненадежен — нужно рассчитывать только на себя». Муж, который в фантазиях жены был ненадежным, полностью соответствовал отведенной ему роли, тем более что эта роль позволяла ему избегать собственных бессознательных страхов.

Без готовности слушать, желания понять и без соединения с забытой личной историей все попытки понять проблемы этой пары были бы бесполезными.

Пастырю необходимо вслушиваться

Сегодня исповедь вынуждена вмещать в себя, возможно, больше, чем раньше. Община и традиционный институт брака в глазах современного человека утратили былое значение не столько в силу «бездуховности», сколько потому, что перестали, по крайней мере на время, быть необходимыми условиями для физического выживания. Единственным для многих людей местом, где звучит сокровенное, становится исповедь. Звучит это сокровенное только в том случае, если находится тот, кто хочет услышать.

Пастырю важно вслушиваться в речь исповедника, стараться услышать то, что скрыто за стандартным перечислением грехов. Человек это ощущает, и психика постепенно начинает открывать то, что пряталось. Тон повествования, выбор тем, открытость или, наоборот, сухость речи исповедника — все это что-то да говорит нам. Мы не можем читать мысли, но можем вслушиваться. Даже если внешне исповедь во многих случаях и останется простым перечислением грехов, а духовник будет молчать и читать

**СОВРЕМЕННАЯ
ПОСТСОВЕТСКАЯ
СЕМЬЯ СПЛОШЬ
И РЯДОМ ЯВЛЯЕТ
СОБОЙ ПРИМЕР
ПОТЕРИ УВАЖЕНИЯ
КОТЦУ.**

по окончании разрешительную молитву, для исповедника это будет уже качественно другая исповедь. Порой достаточно почувствовать и к месту сказать очень сдержанному внешне человеку что-то вроде «похоже, для вас очень много значит то, о чем вы сейчас мне рассказали», и для него начинает меняться многое.

Многое из материала исповеди рождается не от отступления от Бога и желания грешить, а от попыток как-то справиться или избежать боли, тревоги, стыда и прочих переживаний, источник и причины которых самому человеку совершенно неизвестны. Можно до всех и до каждого донести, что то или иное действие является грехом, но никакого толку от этого не будет, поскольку почти все люди знают и чувствуют, что хорошо, а что плохо. Что могло бы им помочь, так это попытка их понять и просто расслышать, что же лежит за их действиями. Люди приходят к нам не с вопросами по Авве Дорофею или «Дневникам» Александра Шмемана. Прихожане приносят свою жизнь и свою боль, которую, может быть, никому, кроме нас, доверить не могут. И вот здесь многое зависит от установки священника: признать, что ему как духовнику может быть что-то неизвестно и непонятно, или не признавать собственную ограниченность.

Тому, у кого в распоряжении лишь один инструмент — молоток, везде чудятся гвозди. Можно быть очень уверенным в себе пользователем «молотка». Это, несомненно, добавляет бонусов в глазах многих прихожан. В силу особенностей устройства современной церковной жизни священнику в глаза крайне редко говорят нелицеприятную правду. Люди голосуют ногами — отчуждением от храма и от всего религиозного. Можно гордиться тем, что храм в воскресенье полон людьми, а можно понимать, что лишь сотая часть из тех, кто способен прийти, становятся прихожанами. Можно произносить пламенные проповеди о том, как неправы те, кто игнорирует призыв Христа «Примите, ядите...», а можно задуматься о том, что, может быть, люди не зря не находят никаких точек соприкосновения между своей жизнью и Церковью.

Если мы верим в то, что грех, предоставляя кратковременное и сомнительное удовольствие, причиняет душе страдания, то можем допустить, что и сам человек может искать избавление от греха, как от страданий. Он нуждается не столько в том, чтобы ему в очередной раз сказали, как он плох, а в том, чтобы кто-то хотя бы задумался: а что с ним происходит, что звучит за всем тем, что ему самому известно.

Безотцовщина

Одним из разрушительных последствий событий новейшей русской истории стало исключение отца из жизни семьи. Широкий круг проблем, о которых слышит пастырь, — следствие этого исключения. Оно не является преднамеренным, и потому проблема не может быть уврачевана лишь проповедями «жена да убойтся своего мужа». Весь строй жизни нашего общества, кажется, искажен этой потерей отца, и, как следствие, недостатком главных отцовских функций в семье — функций Закона, Третьего, то есть того, кто разделяет мать и ребенка. Как эта, на первых порах потеря, а в дальнейшем — исключение, произошли и чем была обусловлена? Любые войны всегда отражаются прежде всего на мужской части населения. Демографические потери приводят к попыткам замещения мужского, отцовского силами оставшихся женщин. Они учатся жить без отцов, дедов, мужей. Делают это так, как могут, то есть по-своему, по-женски. Мужчина как ненадежный элемент становится как бы необязательной частью системы. Вдруг завтра снова война — его же заберут

первым, так что рассчитывать нужно на свои силы... Половина беды, если речь идет о войне с внешним врагом... А если к ней присоединяются внутренние репрессии: тюрьмы, расстрелы, ссылки... Тогда мужчины зачастую лишаются еще и уважения.

Как чувствует себя мужчина, который не может защитить себя и свою семью от репрессивной государственной машины? Нередко он переживает вину и унижение, поскольку обнаруживает, что, пусть и не по своей воле, оказывается неспособным выполнить мужской долг в отношении близких. Более всего он теряет уважение тогда, когда в попытках сохранить жизнь — свою и своих близких — становится частью репрессивной машины, пополняя ряды доносчиков, следователей, охранников. Удастся ли ему сохранить уважение любящей его женщины? Конечно же, нет. Да и сам он теряет уважение к себе. Формируется целый ряд поколений, в которых мужское становится покрытым позором, а оттого избегаемым. Переживая стыд, мужчины стремятся уйти в тень, причем происходит это в нескольких поколениях.

Лишенная мужа, женщина в военных и послевоенных условиях не может позволить себе оставаться прежней. Иначе семья может просто погибнуть. Дети и внуки послевоенных поколений усваивают те же установки. Любые попытки изменить их напрямую обречены. То, что отпечатано на уровне генов, только лишь чтением книг и слушанием проповедей исправить невозможно. Современная постсоветская семья сплошь и рядом являет собой пример потери уважения к отцу. Кое-где сгустив краски, опишу весьма распространенный вариант.

Дисфункциональная семья

В этом варианте призванный быть главой семьи мужчина нередко самоустраивается сразу после рождения первого ребенка. Совсем не обязательно это выражается в реальном уходе. Мужчина остается, но живет по иным правилам. Выразить их можно так: семья — это мать, бабушка и дети. Бабушка — негласный глава семьи, хранитель особого порядка. Мужчина — где-то сбоку или даже вне этой системы. Номинальный глава в лучшем из худших случаев становится добытчиком денег. Его задача — обеспечить семью, но сам по себе он вроде как не очень-то и нужен. Это женская стратегия выживания, обусловленная недавней исторической травмой, в мирное время приносит семье лишь ущерб. Наполовину нужный, замещенный бабушкой, мужчина и ощущает свою ответственность за семью лишь наполовину.

А что же жена? В ответ на постепенное отдаление мужа она также дистанцируется. Вначале это происходит все по той же естественной и самой из уважительных причин — из-за рождения ребенка. Время идет, ребенок растет, но прежние отношения в семье не восстанавливаются. Расстояние между супругами лишь увеличивается. Причина происходящего кроется не столько в появлении потомства, сколько в бессознательном сценарии, который передается из поколения в поколение от одной дисфункциональной семьи в другую. Все в семейной системе происходит с согласия и с участием всех ее членов. Женщина, выросшая в дисфункциональной семье, воспроизводит в своем браке ровно тот тип отношений, который ей известен, то есть семью, где мужчина отеснен в сторону. Мужчина на

роль мужа выбирается ею бессознательно, исходя из будущего сценария. Он, как правило, также происходит из такой же семьи. Повторюсь: процесс это взаимный, и действуют супруги сообща и дополняя друг друга. Где один занимает активную роль, там другой вносит вклад своей пассивностью. Никто из участников этого процесса не действует исходя из злых намерений — все происходит вследствие глубоко запечатленной травмы и особого образа выживания.

Итак, во всей своей красе ситуация разворачивается после рождения первенца. Новорожденный утоляет всю страсть женщины и весь ее голод отношений. Так и должно быть в первые месяцы жизни ребенка. Мать поглощена заботой о нем и любовью. В здоровой семье мужчина, который несколько по-иному переживает свое

Записки с грехами, переписанными из «В помощь кающимся», на мой взгляд, обрезают суть Таинства, оставляют от него лишь обертку с жалкими остатками первоначального богатства.

родительство, помогает женщине понемногу отдаляться от обожаемого чада, оставлять его на время в покое. Как он это делает? Просто: он более или менее тактично предъявляет права на свою женщину. Она не перестает быть матерью, но, являясь ею, вновь становится женщиной своего мужчины. Это возвращение делает возможным нормальное душевное развитие ребенка, дает ему жизненно необходимое психическое пространство. Там, где отец не занимает своего места как любимый мужчина и как опора семьи, мать склонна занимать чуть ли не все жизненное пространство ребенка, душить чадо своей чрезмерной любовью и заботой.

Именно так и происходит в дисфункциональных постсоветских семьях. Мужчина, ставший отцом, постепенно уходит в сторону. Обремененный стыдом и подчиняющийся поствоенному семейному сценарию, он не чувствует в себе сил и прав отстаивать свое прежнее место. Если же вы не чувствуете в себе права на что-то,

**Протоиерей
Сергей Павлов**

родился в 1976 г. в Перми. Окончил Одесскую духовную семинарию в 2001 г. Священник с 2000 г., протоиерей с 2005 г. Служил в храмах Донецкой епархии (УПЦ МП). С 2011 г. клирик храма Свт. Николая в Толмачах. Выпускник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (2012), магистр психологии факультета психологии НИУ «Высшая школа экономики». Также учился в Научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. С 2010 г. практикует как психоаналитически ориентированный психотерапевт.

попытки симулировать это право и связанную с ним уверенность только усугубляют ситуацию.

«Сумасшедшие матери»

Женщины после рождения ребенка нередко покидают супружескую постель и не возвращаются в нее даже тогда, когда ребенок уже вполне может спать без матери. В некоторых семьях принято укладывать детей спать в родительское ложе. Конечно, в первые месяцы жизни это оправдано, но далее, если ребенок уже способен спать отдельно, эта практика приносит чаду и его родителям лишь вред. Чем дальше, тем этот вред значительнее для всех, и прежде всего для малыша.

Если семья живет в квартире, где есть отдельная комната, ребенку на втором году жизни не место в родительской спальне, равно как и в спальне, упаси Бог, с бабушкой! Это просто необходимо для его нормального психического развития. У него должна быть своя кровать, свой стол, стул, шкафчик с собственными книгами и игрушками, даже если семья живет в однокомнатной квартире. В этом случае желательно отделить детскую часть комнаты от взрослой шкафом или какой-либо перегородкой.

У женщины, спящей в одной постели с ребенком, интимная жизнь претерпевает серьезный ущерб, который она, однако, может совсем не ощущать, поскольку рядом с ней некто, кого она воспринимает как выигрышную замену мужчине. Вся нежность и родительская страсть отныне принадлежит ребенку. Не способные хоть на время разлучить влюбленную пару мать — дитя и уступившие свою роль, мужчины по-разному переживают лишение. Самые распространенные сценарии — пьянство, прелюбодеяние, эмоциональная отдаленность, компенсация за счет работы или увлечений.

Женщины в дисфункциональных семьях свято верят в то, что отныне они не могут и не должны дарить свою любовь никому, кроме ребенка. Ребенок — это святое! Почитав некоторые женские форумы в сети, вы встретите порой откровенное безумие. Например, мам, которые кормят детей грудью чуть ли не до школы. О многом из того, чем гордятся подобного рода «сумасшедшие матери», неловко даже писать. Попробуйте даже очень корректно и сдержанно выразить на таких форумах сомнение в полез-

ности для ребенка подобного упоения женщины своим материнством. В ответ вы получите в свой адрес такие кровожадные комментарии, что не останется никакого сомнения: такое материнство насквозь пронизано страстью. И горе тому, кто осмелится встать на пути материнской страсти! Это та самая страсть, которая предназначена мужчине, но изливается на чадо. Психика малыша не способна «переварить» такой наплыв психических стимулов и часто не выдерживает.

Ребенок, спящий с матерью, в семье, где отец не выполняет возложенную на него роль Закона, Третьего, того, кто разделяет мать и ребенка, лишь чудом может избежать психических проблем. Алкогольная и другие виды химических зависимостей, асоциальное поведение и немалый перечень других проблем вырастают на почве таких семейных систем. В числе прочих возникают различные по тяжести психические патологии, включая патологический нарциссизм и развитие сексуальных аномалий.

Потом мамы приводят своих детей на прием к психологу и жалуются на задержки развития, гиперактивность, трудности в обучении, разрушительное поведение чада, энурез и многие другие симптомы. Они приводят лечить своих детей, но причина проблем не в ребенке, а в нездоровой семье. Любые симптомы ребенка всегда являются следствием искажений семейной системы! Ребенок — всегда симптом семьи!

Порой достаточно убедить мать не спать в одной постели с чадом, не обнажаться при нем, позволить повзрослевшему сыну или дочери самостоятельно выполнять гигиенические процедуры, и симптомы уходят. В некоторых психиатрических клиниках за рубежом тяжелых в первую очередь лишают мобильных телефонов и изолируют от родственников. В результате одной такой изоляции достаточно часто происходит серьезное улучшение состояния больных, даже без какого-либо серьезного лечения. Пациент просто попадает в среду, где есть понятные правила, где в его жизнь и в его комнату в любое время дня и ночи не врывается мать или бабушка, где родители не ходят по дому обнаженными.

Однажды мне позвонила женщина, которая хотела, цитирую дословно, «записаться на се-

мейную терапию со своим ребенком». Она пояснила причину обращения: «У сына есть психологические проблемы». Я спросил ее о возрасте «ребенка»: 38 лет. Услышав этот ответ, я уже нисколько не сомневался, что у этого «ребенка» просто не может не быть психологических проблем. Конечно же, я не стал сообщать ей свои мысли и лишь сказал, что семейная терапия подразумевает прием супругов и семей с несовершеннолетними (!) детьми, но не подразумевает прием матерей с их взрослыми сыновьями. «Вы можете дать ему мой номер телефона, и если он пожелает, он может сам позвонить и записаться ко мне на индивидуальный прием», — продолжил я. Мать резко и скупо попрощалась. В ее тоне, как мне показалось, звучало с трудом сдерживаемое возмущение: кто-то рискнул намекнуть ей, что у ее взрослого сына уже давно должна была быть собственная жизнь.

Пастыри на исповеди жалеют матерей, у которых разваливается семья, соглашаются с тяжелой женской долей, возмущаются поведением главы семьи, но не слишком часто задаются вопросом: а не является ли подобная ситуация результатом в том числе и вполне активного женского участия, не предшествовало ли ей гордое: «Я мать, и вся теперь принадлежит моему ребенку!».

Пастырю важно не обманываться

Семьи, описанные выше, именуются в психоанализе «матрешками». Мужчины в них отсеиваются, внутрь принимаются лишь родившиеся мальчики, из которых гомосексуальные пары мать — бабушка лепят будущих страдальцев. Им в будущем придется искать пути решения проблем, с которыми не справились их родители. Кому-то с большим трудом это удастся сделать, кому-то — нет. Наряду с неподдельным страданием обнаруживаются тщательно скрытые и триумф, и упоение тем, что ребенок отныне целиком и полностью принадлежит ей, а она не просто одинокая женщина, а еще и женщина страдающая, которая гордо несет свой жизненный крест. Хоть и страдальческий, но все же венец используется нередко как предмет гордости!

Конечно же, если вы огласите подобного рода мысли вслух, то столкнетесь с искренним возмущением и обидой, будете обвинены в жестокосердии. Чем больше мы знаем о человеке,

тем более осторожными стоит быть в словах. Речь идет о тех переживаниях, которые могут не осознаваться страдающим человеком. Попытавшись вывалить все свои догадки напрямую и не к месту, вы рискуете лишь травмировать и без того страдающего человека. Знание является лекарством лишь тогда, когда применяется к месту и в ограниченных дозах. В противном случае оно становится отравой. Психоаналитик, выбрав время, очень осторожно говорит об этом тогда, когда пришедший к нему на прием пациент сам способен заметить и принять такую правду о себе. Происходит это порой спустя долгое время после начала работы.

В арсенале священника, не имеющего психоаналитической подготовки и образования, отсутствуют специальные средства для врачевания межпоколенческой травмы, однако есть горячая молитва, Таинства и пастырское слово. Но пастырю важно знать о тех искажениях семейной системы, которые формируют духовную патологию. По какой-то причине некоторые из нарушений семейной системы, например болезненная заикленность матерей на своих детях в ущерб отношениям с мужем, нередко воспринимаются в православной среде как нечто похвальное. Грехи или проступки одного из супругов рассматриваются как его выбор, хотя практически всегда порождены всей семейной системой. Также детские проблемы с поведением и психическим здоровьем совершенно неверно трактуются как следствие непослушания или взявшейся неизвестно откуда испорченности. Матери жалуются на детей, которые попали под влияние дурной компании, игнорируя ту патологию, которая пыльным цветом цветет в семье.

Пастырю важно не обманываться тем, что лежит на поверхности, и задумываться о корнях проблем. Многие из грехов, будь то супружеские измены, разводы, химические зависимости и большой перечень из того, что может быть услышано на исповеди, — это лишь неловкие попытки хоть как-то компенсировать те страдания, которые возникают вследствие дисфункций семьи. Пространными разговорами про абстрактную «бездуховность» не обойтись, поскольку, увы, все, что написано выше, затрагивает православные семьи, включая семьи священников, так же часто, как и любые другие.